

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти

Владимир Сергеевич АВДОНИН

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),

117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: avdoninvla@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3822-6983

ЦИТИРОВАНИЕ: Авдонин В.С. (2021). Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 81–99.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

Статья поступила в редакцию 19.07.2021.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-00709.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается траектория изменений идейного комплекса, который именовался в «позднем» СССР «советской идеологией», в постсоветский период. Теоретико-методологической рамкой анализа является теория политических режимов, а также элементы теории идеологий и теории политического дискурса. Исследуются черты и особенности «советской идеологии» в условиях «посттоталитарного» политического режима в «позднем» СССР, которые вели к ее ослаблению и упадку после развала советского режима. В условиях постсоветского политического режима в России произошел распад «советской идеологии» на идеологическую (основа идеологии постсоветских коммунистических партий) и политико-культурную (паттерн постсоветской политической культуры) составляющие, что создало для правящей власти специ-

фическую проблему отношений с этими феноменами. Исследование дискурса власти по тематике «советской идеологии» (проведенное в основном на материале выступлений и высказываний президентов РФ) позволило выделить три сменявшие друг друга дискурсивные стратегии таких отношений: стратегию «борьбы», стратегию «адаптации» и стратегию «селективного использования». Последняя из них применялась в 2010-е годы в условиях консолидации авторитарного политического режима. Она позволила выборочно включать наряду с «советской идеологией» в идейный комплекс правящего режима, для которого характерно использование не полноценных политических идеологий, а «идентитарных нарративов», допускающих включение разнородных элементов этнокультурных, исторических, религиозных и т.д. традиций. Сравнительные исследования также показыва-

ют, что ориентация в идейной сфере на такие «идентитарные нарративы» – характерная тенденция современных неоавтократий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская идеология, политический режим, политическая легитимация, политический дискурс, дискурсивные стратегии, политико-культурные паттерны, идентитарные нарративы, неоавтократии.

Введение

Спустя 30 лет после распада СССР интерес к различным связанным с ним феноменам продолжает сохраняться. «Советское» по-прежнему влияет на современность и проявляется во многих областях жизни сегодняшней России.

Советский Союз считался идеологическим государством, и важным аспектом его существования была советская идеология, которая поддерживала советский строй, выступала официальной идейной основой советской политики, была существенной частью общественно-политической жизни. Распад СССР связывается и с кризисом советской идеологии, утратой ею господствующего положения как в системе власти, так и в обществе [Медведев, 2003]. В объяснении этого кризиса и упадка до сих пор сохраняются «идеологические» трактовки, опирающиеся на советские идеологические традиции и сводящие все к беспощадной борьбе, развернутой против советской идеологии Западом, «мировым капитализмом», «агрессивными кругами» и т.д. [Зиновьев, 2001; Кара-Мурза, 2019 и др.] Но помимо этого существуют и объ-

яснения, исходящие из исследования идеологий в социальных науках как сложных феноменов социально-политической и идейной жизни, их базовых свойств, функций, закономерностей, особенностей и т.д. [Freeden, 1996; Gerring, 1997; Thompson, 1984]. С этой точки зрения упадок советской идеологии и ее последующий кризис были в основном связаны с изменениями ее функций и свойств, которые все заметнее проявлялись накануне распада СССР.

В этой статье рассмотрен вопрос об изменениях того, что называлось советской идеологией, в позднесоветский и постсоветский периоды: за точку отсчета взята политологическая теория политических режимов [Linz, Stepan, 1996; Голосов, 2018 и др.]. Согласно этому взгляду, многие свойства идеологий, особенно касающиеся реализации их политических функций, зависят от особенностей того режима, в котором они функционируют. Режимные изменения ведут и к изменениям функциональных свойств идеологий, хотя и не определяют их полностью. С этой точки зрения позднесоветский политический режим вел к постепенному ослаблению роли «советской идеологии» и в политике этого режима, и в обществе. Распад советского режима в 1991 г. показал и подтвердил эту слабость, что сопровождалось кризисом и распадом и самой «советской идеологии». И здесь важно уяснить существо и особенности этого распада. Во многом он был предопределен тем монопольным статусом, который «советская идеология» имела не только в политике, но и в обществе предшествующего периода, где она приобрела форму политико-культурного феномена¹. В постсоветский

1 Для характеристики этого феномена, в частности, использовалось понятие метанарратива [Gill, 2011] как близкой, но не тождественной идеологии, «совокупности дискурсов», представляющих последнюю в «упрощенной форме». Подробнее о соотношении идеологии и метанарратива см.: [Малинова, 2014, с. 344–348].

период произошел распад этой идеологии на две основные составляющие – собственно идеологическую и политико-культурную.

Это стало серьезной проблемой для правящей власти, которая в условиях неустойчивости складывавшегося политического режима сталкивалась с острой конкуренцией оппозиционных (просоветских) политических сил. Последние, с одной стороны, опирались на концептуально перестроенное наследие «советской идеологии», а с другой – могли рассчитывать на отклик родственного политико-культурного паттерна «советского» в обществе. По существу, это и происходило. Власть была вынуждена предпринимать срочные контрмеры по «нейтрализации» советского идейного наследия в постсоветской политике.

В статье предлагается анализ дискурса российской власти по темам «советской идеологии», осуществляемый, прежде всего, на материале выступлений и высказываний президентов РФ как наиболее значимых властных акторов, с целью определения характера дискурсивных стратегий, направленных на нейтрализацию, а затем и на использование наследия «советской идеологии» в интересах укрепления и легитимации действующего политического режима. Из обширной области современных исследований дискурса в основном используются подходы критического дискурса-анализа (КДА), которые подчеркивают различие дискурса и социально-политического и культурно-исторического контекста и ориентируются на исследование их взаимовлияния [Fairclough I., Fairclough N., 2012; Hart, 2015; Wodak, Meyer, 2015; Ионова, 2016]. В данном случае речь пойдет о режимном контексте, влиявшем на формирование и смену дискурсивных стратегий власти по темам «советской идеологии».

1. Советская идеология в позднесоветское время

Прежде чем обратиться к анализу изменений «советской идеологии», происходивших в последние 30 лет, надо хотя бы кратко остановиться на том, что этот феномен представлял собой в предшествующий период. Условно его можно ограничить позднесоветским временем или периодом «позднего (постсталинского) социализма», который обычно датируют серединой 1950-х – серединой 1980-х годов. С точки зрения теории политических режимов наиболее характерными для «позднего социализма» являются «посттоталитарные политические режимы», которым свойственны и посттоталитарные идеологии (идеологические практики) [Linz, Stepan, 1996, pp. 42–51]. В политике такие идеологии продолжают играть важную роль, выступая, прежде всего, средствами легитимации политики правящих партий и политических элит. Их концептуальное содержание изменяется незначительно. Как правило, оно корректируется с учетом осуждения некоторых ошибок, связываемых с действиями лидера или отдельных групп, но основные идеологические положения, цели, задачи, легитимирующие политику режима, остаются неизменными. В то же время в обществе статус господствующей идеологии изменяется, появляется недоверие к ее основным положениям, усиливается политическая апатия (аполитичность), получают определенное распространение альтернативные идейные течения. Массовые идеологические практики приобретают рутинный и ритуальный характер, а их мобилизующая роль начинает ослабевать. По выражению Хуана Линца, посттоталитарным режимам свойственна тенденция «смещения акцента с идеологии на прагматический консенсус» [Linz, Ste-

ран, 1996, р. 44], которая нарастает от ранних стадий посттоталитаризма к зрелым и поздним.

В СССР часть этих черт проявилась в идеологической сфере в период «хрущевской оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х годов). В это время были осуждены репрессии и культ личности Сталина, но было также подчеркнуто исключительное значение руководящей роли партии и партийной идеологии в политической и общественной жизни. Имело место и проявление «безыдейности» и «чуждых» идеологических настроений (в культуре, искусстве, литературе, быту), которые осуждались. В то же время легитимирующий и мобилизующий статус идеологии не только сохранялся, но даже усиливался, компенсируя ослабление тоталитарных репрессивных практик.

Более определенными черты упадка советской идеологии становятся в последующий период (конец 1960-х – начало 1980-х годов), который в партийных документах часто именовался «периодом развитого социализма», а в перестроечной публицистике получил определение «застоя». Согласно режимной теории, его можно характеризовать как «поздний посттоталитаризм». Советская идеология продолжала легитимировать политический курс и власть партии, но концептуально вновь корректировалась (уже не «строительство коммунизма», а «совершенствование развитого социализма»). На фоне новых корректировок и проблемных реалий «социалистического строительства» осложнялись экспликативные (эпистемологические) возможности этой идеологии – ее способность убедительно сопрягать свои положения с реальными процессами и проблемами. Идеологические практики приобретали все более ритуальный, формальный и отчужденный от содер-

жания характер. Ослабевала и интегрирующая функция советской идеологии, предполагающая сплочение различных социальных групп и слоев на основе ее идей. Растущая социальная дифференциация и профессионализация общества выдвигали на первый план идеи и интересы «своих» сообществ, ослабляя влияние общей идеологии.

Считается также, что в этот период в целом повысилась терпимость к «деидеологизированному» поведению в обществе и даже к альтернативным идеологическим течениям. Борьба с этими явлениями тоже велась в основном формально. Исследуя этот период, Алексей Юрчак отмечает, что неверно представлять идейную жизнь в тогдашнем СССР в парадигме «бинарного противостояния» господствующей советской идеологии и идей диссидентских и неконформистских групп. Более точной была бы парадигма изменений в поле самой «советской идеологии», в изменениях ее свойств и функций, в появлении в ней новых «симптомов» и новой «нормальности» ее восприятия в обществе и в элитах. Эта «нормальность» заключалась в том, что концептуальное содержание этой идеологии уже не воспринималось буквально, но и не отторгалось, а «наполнялось новыми смыслами» [Юрчак, 2020, с. 38–44]. Характер этих новых «нормальных» смыслов все больше диктовался реальностью, придавая эволюции этой идеологии в целом более приземленный и прагматический смысл.

Последний этап позднесоветского времени – период перестройки (1985–1991). О нем сказано немало и историками, и политологами, и публицистами. С точки зрения режимной теории в этот период в СССР начинается смена политического режима – поздний посттоталитаризм постепенно преоб-

разуется в «режим политической либерализации». Либерализация здесь означает, прежде всего, изменение в либеральном ключе правил и принципов допуска на властные политические позиции или участия в политической конкуренции [O'Donnell, Schmitter, 1986]. В идеологическом плане этот режим также менялся. Либерализация предполагала отказ от идеологической монополии и легализацию идеологического плюрализма. Для советской идеологии это означало формальную утрату статуса господствующей идеологии и включение в процесс легальной идеологической конкуренции. На ее политический статус также влияло то, что в результате раскола в этот период в высшем советском руководстве на реформаторов и консерваторов советская идеология была взята на вооружение консервативными антиреформаторскими силами. Они сохранили за ней функцию легитимации их политического курса, но не смогли «вдохнуть в нее жизнь», т.е. справиться со всеми теми процессами упадка и ослабления, с которыми она сталкивалась в предшествующий период. В результате в решающий момент политического противостояния реформаторов и консерваторов она не смогла выполнить свою консолидирующую и мобилизующую роль. Ее сторонники оказались в явном меньшинстве на первых выборах президента России (июнь 1991 г.) и утратили политическую инициативу. А последовавшая затем попытка силового захвата власти (путч ГКЧП), которая отчасти проходила под советским идеологическим патронатом², также не получила массовой поддержки.

2. Советская идеология после распада советского режима

После провала путча и распада СССР в России установился так называемый «посткоммунистический политический режим». В режимной теории такой тип режима считается переходным, т.е. неустойчивым, меняющимся, переходящим от прежней политической формы к новой. Выделяются три основных направления перехода – к «консолидированной демократии», к новому авторитаризму и к «гибридной форме» (сочетающей черты демократии и авторитаризма). При этом результат перехода, как считается, во многом зависит от соотношения сил реформаторов и представителей старого режима в процессе перехода. Преобладание первых в основном дает переход к демократии, вторых – к новой автократии, а при балансе сил наиболее вероятна «гибридная форма» [Мельвиль, 2007].

Российский посткоммунистический режим 1990-х годов, как правило, относят к «гибридной форме» с неустойчивым балансом сил реформаторов и их противников. Идеологическая сфера таких режимов обычно характеризуется острым идейным расколом и жесткой идеологической конкуренцией вовлеченных в политику сил.

В этих условиях стали особенно заметны слабости «позднесоветской идеологии», что ограничивало возможности ее использования в качестве идеологии противостоящих реформаторам политических сил. Утратив статус господствующей идеологии, легитимирующей политический режим, цели и программы общественно-политического развития, она показала весь

2 Скоротечность событий путча и ограниченный объем обнародованных материалов не дают возможности определенно идентифицировать идеологию ГКЧП, но установленная близость к путчистам ряда видных деятелей консервативных сил в КПСС и в КП РСФСР, которые выступали в политике с позиций советской идеологии, позволяют обоснованно предположить, что путч идейно был также связан с этой идеологией.

ма ограниченную способность выдерживать жесткий режим идеологической конкуренции, а провал ее сторонников в политике накануне распада СССР продемонстрировал и слабость ее политического потенциала. По сути, она оказалась в состоянии глобального кризиса и распада. Даже те радикальные противники реформ, которые группировались в 1992–1993 гг. вокруг системы советов и использовали дискурс «защитников советов», в идейном плане были весьма далеки от того, что именовалось «советской идеологией» в позднем СССР³.

В теориях идеологий считается, что при утрате идеологией политического потенциала, т.е., прежде всего, влияния на массовое политическое поведение, возможны, как правило, два исхода. Либо переформируется ее концептуальное содержание, изменяется статус и конфигурация ее базовых концептов, и она возрождается в новом идеологическом облики [Freeden, 2013], либо она теряет статус политической идеологии и превращается в феномен политической культуры, обладающий лишь косвенным влиянием на политику [Gill, 2000]. Похоже, что с советской идеологией после распада советского режима произошло и то и другое. С одной стороны, она стала основой формирования идеологий постсоветских коммунистических партий, с другой – трансформировалась в феномен постсоветской политической культуры. В первом случае признаки политической идеологии за ней сохранялись, но изменялись многие ее содержательные и функциональные компоненты, вытекавшие из ее господствующего статуса в советской системе. Из идеологии, легити-

мирующей власть, она превращалась в идеологию, оспаривающую власть, что влекло за собой существенное переформатирование. Например, ту же идеологию КПРФ, которая имела исток в «советской идеологии», уже вряд ли можно считать таковой. Не останавливаясь на содержательном и концептуальном разборе, отметим лишь, что даже сами коммунисты чаще называли свою идеологию «народно-патриотической», а не «советской».

Во втором случае она, по существу, утрачивала многие свойства и функции политической идеологии, превращаясь в политико-культурный феномен или «идейный паттерн политической культуры». Но этот трек был для нее по-своему органичен, учитывая, что еще в советское время имело место формирование связанного с советской индоктринацией политико-культурного паттерна, который анализировался в литературе [Gill, 2011; Малинова, 2015].

3. Наследие советской идеологии и стратегии властного дискурса

Для действующей российской власти превращения советской идеологии стали серьезным вызовом, особенно на фоне вакуума идейных установок, возникшего после смены советского режима, и последующей неопределенности в поисках подходящих идей и идеологий. Политико-культурные паттерны «советского» вовлекались в политику посредством «родственной» им идеологической активности КПРФ, что создавало для власти реальные угрозы пораже-

3 В публицистике тех лет для обозначения сторонников этих идей использовался термин «коммуно-патриоты» или даже «коммунофашисты», а в цветовой гамме – «красно-коричневые». В идеологическом отношении этот идейный блок представлял собой альянс коммунистической идеологии с радикально-консервативной.

ния на выборах, распада правящего режима и остановки реформ⁴.

Исследование риторики российской власти в отношении советской идеологии и советского идейного наследия является в данном случае лишь одним из аспектов эмпирического способа анализа действий властных акторов. Но оно помогает лучше понять, как власть старалась действовать на этом направлении. На протяжении трех десятилетий можно проследить последовательную смену трех стратегий отношения к советскому идейному наследию, которые можно условно назвать стратегиями «борьбы», «адаптации» и «селективного использования». В какой-то мере их можно связать с тремя постсоветскими десятилетиями (1990-е, 2000-е и 2010-е годы) или даже персонифицировать в соответствии со сроками президентских правлений («ельцинский» период 1990-х годов, «путинский» первых сроков и «медведевский» и «путинский» новых президентских сроков).

3.1. ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «БОРЬБЫ» С НАСЛЕДИЕМ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Стратегия «борьбы» против политизации «советского идейного паттерна» «советской идеологией» была характерна для риторики власти в 1990-е годы, достигнув кульминации в период «большого» выборного цикла 1995–1997 гг., включавшего думские, президентские и серию региональных выборов. Она выражалась во всесторонне

негативной интерпретации «советской идеологии» как важной части советской системы, задававшей ей различные отрицательные качества.

Примерами здесь может служить риторика Ельцина перед президентскими выборами 1996 г. Давая советской системе обобщенные характеристики, он называет ее, в частности, «коммунистическим экспериментом», «тоталитарной системой», «сверхжесткой мобилизационной моделью развития», «политическим режимом, не соответствовавшим требованиям времени», «правившим с помощью насилия и обмана»^{5, 6}.

Очевидно, что во всех этих характеристиках присутствует и «идеологическое содержание» советской системы, которому, по мнению Ельцина, свойственны ложные, тоталитарные, антинародные, догматические, связанные с насилием и исторически тупиковые черты. Практически все негативные и проблемные стороны советской идеологии выдвигаются на первый план, а любая идеологизация «советского идейного паттерна» в политике по определению рассматривается как приводящая к их восстановлению.

Особо Ельцин подчеркивает также догматизм советской системы и неспособность ее к реформированию. Попытки реформ в ней неизменно заканчивались неудачами, подтверждая «исторический тупик» созданной системы и ее идейного обоснования.

Идеологический аспект подразумевается и тогда, когда Ельцин говорит о

4 Ближним примером того, что могло произойти в России в случае краха режима реформаторов, является Белоруссия, где в 1994 году на выборах победил Лукашенко. В терминах нашего анализа эту победу можно интерпретировать как успешное установление связи между переформатированной «советской идеологией» и «советским культурным паттерном». Показательна и невероятная популярность Лукашенко в России в середине 1990-х годов, когда и просоветские политики, и просоветская часть общества активно искали такую связь.

5 Здесь и далее курсив, когда используется лексика из дискурса власти, которая является объектом изучения.

6 Здесь и далее цит. по: Ельцин Б.Н. (1996). Послание Федеральному Собранию РФ // Интелрос. 5 февраля 2007 // http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_zakotoruju_my_v_otevete_1996_god.html, дата обращения 11.05.2021.

внешней политике советской системы. Он выделяет в ней *«внешнеполитические и военные авантюры и участие в расточительной гонке вооружений»*. Здесь очевидны отсылки к актуальным и негативно окрашенным в тогдашнем дискурсе темам экономически неэффективной «братской помощи» «идеологически близким» политическим режимам и столь же негативно воспринимаемой войне в Афганистане, тоже имеющей идеологические коннотации («интернациональный долг», помощь в «строительстве социализма»). А негативная оценка («расточительная») в отношении гонки вооружений здесь явно противостоит советскому идеологическому нарративу о достижении «военного паритета» с США.

Говоря о периоде перестройки, Ельцин подчеркивает в нем *«идейное раскрепощение общества»*, тем самым противопоставляя его прежнему периоду идейного «закрепощения» и идеологического монополизма. При этом программу экономических реформ перестройки он оценивает негативно и называет *«метаниями»*, поставившими страну на грань экономической катастрофы. В итоге это привело к *«распаду партийных и репрессивных скреп и старых “приводных ремней” власти»* и вызвало утрату централизованного управления. И здесь он снова акцентирует ключевую роль силового репрессивного механизма в советской системе, который оправдывался советской идеологией.

В этом же ключе он оценивает и путь ГКЧП, называя его *«отчаянной попыткой скрепить Союз силой»*. В попытке ГКЧП он, прежде всего, акцентирует фактор «силы», путь к силовому сценарию развития событий, *«которые привели бы к последствиям более страшным, чем в Югославии»*. Это еще один важный элемент дискурсивной стратегии «борьбы» с «советской

идеологией» – постоянное подчеркивание того, что ее сторонники тяготеют к силовым и репрессивным сценариям, а сама она оправдывает применение силы в политике, обществе, государственном управлении. Вероятно, предполагалось, что это сможет остановить рост ее поддержки.

Но неубедительная победа Ельцина на выборах 1996 г. и заметный успех на них Зюганова давали ясное представление о том, что стратегия открытой и жесткой борьбы с советским идейным наследием далеко не так эффективна. Еще более убедительно об этом свидетельствовала поддержка КПРФ на думских выборах 1995 г., образование огромного электорального «красного пояса» по всему югу страны, а также победы представителей КПРФ и их союзников на выборах в регионах. Власть буквально оказалась перед лицом политической реставрации «советского».

3.2. ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «АДАПТАЦИИ» СОВЕТСКОГО «ИДЕЙНОГО ПАТТЕРНА»

Уже в конце 1990-х годов наметился переход к другой стратегии отношения власти к советскому идейному наследию, которую можно условно назвать «адаптивной». В наиболее явном виде она стала использоваться в риторике власти с 2000 г. Для этой стратегии были характерны две особенности: первая – сокращение критики советской системы и вторая – выдвижение в центр дискурса ключевых «неидеологических» концептов, близких носителям «советского политико-культурного паттерна».

Фокус внимания в дискурсе власти переносится на критику положения дел в государстве и обществе в 1990-е годы. В отличие от Ельцина, который укреплял режим, во многом опираясь на критику советской системы, Путин избрал

для подобной роли «лихие 90-е» и старался представить свой курс, прежде всего, как исправление ошибок и извлечение уроков из опыта 1990-х годов.

В дискурсе Путина стали выделяться характерные ключевые слова: «*сильное государство*», «*наведение порядка*», «*стабильность*», «*единство*», «*диктатура закона*», «*великая держава*» и др. И практически все они так или иначе противопоставлялись тому, что имело место в 1990-е годы – «*слабое государство*», «*нестабильность*», «*нарушение закона*», «*рост преступности*» и т.д.⁷ В дальнейшем мем «*лихие 90-е*» прочно вошел не только во властный и пропагандистский, но и в общественный дискурс, а критика этого периода стала важным фактором дискурсивной легитимации путинского режима [Малинова, 2018].

Для нашей темы важно отметить, что этот же набор дискурсивных концептов («*сильное государство*», «*держава*», «*стабильность*» и др.,) мог опознаваться и положительно восприниматься в «советском» политико-культурном паттерне. В самом начале своего правления Путин подчеркивал, что он против введения новой «государственной идеологии» и что в основу политики должны быть положены неидеологические «*традиционные ценности россиян*», способные стать «*опорной точкой консолидации российского общества*». Среди них он выделил «*патриотизм*», «*государственничество*», «*державность*», «*социальную солидарность*»⁸.

То, что этот дискурс воспринимается и находит отклик у носителей советских политико-культурных традиций, подтверждали электоральные резуль-

таты. Властный дискурс добился взаимодействия с культурным паттерном «советского» вне и помимо идеологии КПРФ, и электоральная поддержка последней заметно сократилась. Стратегия дискурсивной «адаптации» «советского» принесла власти определенные результаты. В наиболее ярком виде это проявилось в формировании к середине 2000-х годов близкого советскому паттерну властного нарратива о «Великой Победе 1945 года», из которого были удалены многие советские идеологические коннотации.

В то же время для стратегии «адаптации» «советского» в 2000-е годы были характерны и проблемы. Несмотря на то что Путин вполне определенно высказывался за отказ от признания какой-либо идеологии в качестве официальной, во власти сохранялись стремления найти для России некую новую идеологию, способную заменить «советское идейное наследие». Например, в качестве такой идеологии пытались предлагать «просвещенный консерватизм», «русский консерватизм», концепцию «суверенной демократии» и т.д. [Мартыанов, Фишман, 2016]. Для стратегии «адаптации» советского наследия это создавало бы трудности, так как «учреждение» новой идеологии могло вызвать всплеск идейной борьбы и нарушить «пакт» власти с советским «идейным паттерном».

Еще один проблемный момент возник в связи с появлением в дискурсе президента Медведева риторики «модернизации». Она тоже была в некотором роде обращена к «советскому наследию», но активизировала в нем не только «сильное государство» и «великие победы», а и заложенный в нем мо-

7 Обобщены материалы с портала «Президент России» // <http://kremlin.ru/>, даты обращения 15.04–15.05 2021.

8 Путин В.В. (1999). Россия на рубеже // Независимая газета. 30 декабря 1999 // https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_milenium.html, дата обращения 15.05.2021.

дернизационный потенциал⁹. Медведев назвал СССР «*крупнейшим модернизационным проектом XX века, хотя и завершившимся неудачно*»¹⁰, стараясь легитимировать планы собственной политики модернизации.

Обобщенно формулируя проблемы стратегии «адаптации», можно использовать и термин «склейка» («коллаж»), употребленный некоторыми авторами в отношении российской исторической политики в тот период [Малинова, 2015; Sherlock, 2016]. Он означает недостаточную глубину «проработки» связываемых в дискурсе концептов, их лишь поверхностную символическую «склейку». В отношении наследия советской идеологии это означало примерно то же – его «символическую адаптацию» в политике режима.

3.3. СТРАТЕГИЯ «СЕЛЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ» НАСЛЕДИЯ «СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ»

Переход к новой стратегии отношения власти к советскому идейному наследию, которую можно назвать «селективно-прагматической», наметился в начале 2010-х годов, но особенно заметным стал с возвращением Путина на пост президента в 2012 г. (Поэтому далее анализ дискурса будет проводиться на материале его выступлений.) Властный дискурс в этот период применялся также в более консолидированном, авторитарном и персоналистском политическом контексте, чем раньше [Gel'man, 2015; Zimmermann, 2014].

В содержательном плане для этой дискурсивной стратегии характерна резкая критика советской идеологии и идеологий как таковых, а также утверждение вместо них приоритета идейных образований, именуемых «культурным кодом», «национальной идентичностью» и т.д.

В дискурсе Путина в этот период постоянно присутствуют негативные оценки «советской идеологии». Такие ее оценки, как «далекая от жизни», «скучная», «тупая», «оставлявшая тяжёлую оскомину», «официозная», «совдеповская» и другие¹¹, встречающиеся в его высказываниях, призваны подчеркнуть ее абстрактный и отчужденный от жизни «простых людей» характер.

Не менее определенно он говорит и об опасности этой идеологии для целостности государства и сплоченности общества. Она, по его мнению, способствовала созданию многих территориальных и политических проблем в СССР. Хорошо известно, что идеи Ленина о Союзе Советских Республик Путин назвал «атомной бомбой», заложенной под государство, что в итоге привело к его распаду.

*Управлять течением мысли это правильно, нужно только, чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом*¹².

9 Модернизационный потенциал советской системы является в литературе предметом дискуссий. Идее классической формы советской модернизации как «догоняющей модернизации» (по западным образцам) противостоят подходы, акцентирующие в ней «неотрадиционалистские» (антимодернизационные) черты. Выделяются также подходы, базирующиеся на восходящей к Ш. Эйзенштадту идее «множественности модернов», подчеркивающие специфичность советской модернизации и «переплетенность модернов» в современном мире [David-Fox, 2015; Арнасон, 2011].

10 Медведев Д.А. (2009). Россия, вперед! // Газета.Ru. 10 сентября 2009 // https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml, дата обращения 15.06.2021.

11 Обобщены материалы с портала «Президент России» // <http://kremlin.ru/>, даты обращения 15.04–15.05 2021.

12 Путин рассказал ученым о подрывной деятельности Ленина в российской истории (2016) // Интерфакс. 21 января 2016 // <https://www.interfax.ru/russia/490856>, дата обращения 20.06.2021.

Критика советской идеологии как угрозы существованию государства подчеркивается и тогда, когда Путин говорит о роли в распаде СССР коммунистической партии.

*Советская Конституция была крайне идеологизирована, там была только одна идеология – идеология компартии. Понятно, к чему это привело, – это было одним из триггеров развала единого государства. Не стало партии, она начала трещать изнутри, и за ней посыпалась вся страна*¹³.

В своих выступлениях о Великой Отечественной войне – главном в дискурсе Путина события советской эпохи – он совершенно игнорирует многие из традиционных советских идеологических нарративов. Он, например, никогда не упоминает о значении советской идеологии для Победы, не упоминает ни о роли комиссаров и политработников, ни о вкладе в Победу коммунистической партии, ни о воплощении в Победе превосходства передового советского строя. Все эти темы в дискурсе Путина элиминированы. В чем-то это напоминает драпировку Мавзолея Ленина на современных парадах Победы.

Осуждая советскую идеологию и ее господство в СССР, Путин тем не менее нигде явно не противопоставляет ей другую идеологическую доктрину. В его выступлениях встречаются ссылки на имена мыслителей и идеологов, близких к традиции классического консерватизма (К. Леонтьев, И. Ильин и др.). С идеями «просвещенного консерватизма» пытались заигрывать в

2000-е годы некоторые функционеры «Единой России» и провластные публицисты¹⁴. Но объявить такой консерватизм новой одобряемой властью идеологией Путин так нигде и не предложил. В еще большей мере это касалось «либерализма» как идеологии, опыт которой в российской политике оценивался им в основном как негативный и чуждый, а «упадку либерализма» он посвятил специальные высказывания¹⁵.

В программной «Валдайской речи» (сент. 2013) Путин резюмировал свое отрицательное отношение к идеологиям в целом.

*Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма*¹⁶.

Что же во властном дискурсе предлагается вместо советской, а заодно и других идеологий? В выступлениях Путина на это место претендует так называемая *национальная идентичность* как нечто более глубокое и фундаментальное, представляющее собой синтез исторического опыта и общих ценностей, традиций, целей и ответственности. Хотя в дискурсе фигурируют и другие близкие по смыслу термины: «национальный характер», «культурный код» (исторической России), «культурный и духовный код нации», «патриотическая идентичность», «патриотизм» и т.д.¹⁷ Приоритет этих «духовных субстанций» Путин формулирует следующим образом:

13 Большая пресс-конференция Владимира Путина (2019) // Президент России. 19 декабря 2019 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62366>, дата обращения 20.06.2021.

14 Об особенностях этого «верноподданнического консерватизма» и его отличиях от классического консерватизма см.: [Шаблинский, 2017].

15 Интервью газете The Financial Times (2019) // Президент России. 27 июня 2019 // <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>, дата обращения 10.06.2021.

16 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» (2013) // Президент России. 19 сентября 2013 // <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>, дата обращения 10.06.2021.

17 Обобщены материалы с портала «Президент России» // <http://kremlin.ru/>, даты обращения 15.04–15.05 2021.

*Ведь в конце концов и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер*¹⁸.

Среди многообразных свойств «национальной идентичности» и «культурного кода» (фундаментальность, народность, традиционность и др.) Путин особенно подчеркивает их сплачивающий потенциал и тягу к «внешнеполитическому суверенитету».

*Стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера*¹⁹.

*Для нашей огромной многонациональной страны чувства патриотизма, любви к Родине поистине бесценны. Эти высокие качества, твердая гражданская позиция людей держат, скрепляют единство и суверенитет страны*²⁰.

*Глубоко убежден – уверенное движение России вперед, ее суверенитет и национальная безопасность в решающей степени зависят от сохранения и укрепления духовных основ, национальной идентичности...*²¹

В отношении советского идейного наследия этот дискурс также акцентирует наличие в нем «национального культурного кода» и «идентичности», скрытых либо искаженных чуждыми им идеологическими наслоениями. А главной задачей дискурсивной стратегии становится «вскрытие» этого идейного содержания и «освобождение» его от «советской идеологии». Второй и не менее важной задачей является его скрытая политизация, альтернативная идеологической. Этому содержанию приписывают политико-идеологические легитимирующие функции – оправдание (легитимация) укрепления сильной власти и государственного суверенитета, но избегают называть это политизацией. В одном из заявлений Путин выразился так:

*Идеология, на мой взгляд, в современном демократическом обществе возможна только одна – патриотизм. В самом широком и хорошем смысле слова. Это должно быть деполитизировано и направлено на укрепление внутренних основ российского государства*²².

Переход к такой деполитизированной (деидеологизированной) риторике исследователи объясняют по-разному. Некоторые подчеркивают в ней дискурсивный поворот к архаике и антимодерну, характерных для идейных схем российской политики XIX – начала XX в. (от николаевской триады «самодержавие – православие – народность» [Hill, Gaddy, 2015] до идеологии славянофилов и евразийцев [Elitchaninoff, 2018]) и даже еще более архаич-

18 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» (2013) // Президент России. 19 сентября 2013 // <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>, дата обращения 10.06.2021.

19 Там же.

20 Выступление на торжественном приеме по случаю национального праздника – Дня России (2016) // Президент России. 12 июня 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52145>, дата обращения 10.06.2021.

21 Путин. «Суверенитет РФ зависит от сохранения духовных основ и национальной идентичности» (2019) // ТАСС. 18 октября 2019 // <https://tass.ru/obschestvo/7016291>, дата обращения 10.06.2021.

22 Путин считает патриотизм единственно возможной идеологией современного общества (2019) // ТАСС. 19 декабря 2019 // <https://tass.ru/politika/7379985>, дата обращения 10.06.2021.

ной «идеологии» Московского государства (XVI–XVII вв.) [Абалов, Иноземцев, 2020]. Ряд российских исследователей выдвигают понятие «национально-государственная идентичность», помещающее идентичность в контекст государственной «политики идентичности», направленной на укрепление государства и его суверенитета, и анализируют возникающие в связи с этим проблемы [Малинова, 2010; Попова, 2020].

В современных исследованиях, анализирующих взаимодействие идей и политики, фигурирующие в дискурсе российской власти «духовные субстанции» называют «идейно-идентитарными нарративами» [Kneuer, 2017; Kailitz, 2013]. Они отличаются от идеологий, прежде всего, тем, что не имеют более или менее развитого и согласованного концептуального содержания, а базируются на чувствах этнической, культурной, языковой, религиозной и т.д. общности, дополненных элементами историко-культурных или религиозных традиций. В отличие от идеологий они не претендуют на всеобщность и обоснованность, а являются более партикулярными, гибкими и модульными (в смысле замены и перестановки в них разных элементов содержания) [Kneuer, 2017, p. 187]. В то же время они могут использоваться в функции идеологий для сплачивания общества, легитимации политического порядка и мобилизации против внешних и внутренних угроз. Исследователи отмечают, что такого рода идентитарные нарративы наиболее активно используются в современных неоавторитарных режимах, т.е. режимах, формирующих автократии на фоне спада в мире демократической «волны», в качестве замещения демократической легитимности. Разрушая демократические институты, легитимирующие власть через легальную политическую и идеологиче-

скую конкуренцию и плюрализм, автократии стараются активно замещать их формированием идентитарных нарративов, способных придавать власти идейную легитимность [Kneuer, 2017].

Дискурсивная стратегия российской власти в отношении советского идейного наследия в 2010-е годы, похоже, хорошо вписывается в выше-означенный процесс. Особенно, если учесть, что переход к ней произошел на фоне усиления авторитарных черт политического режима. Разделяя в советском наследии идеологию и «культурный код», эта стратегия позволяла дискурсивно выделять и характеризовать в советском прошлом темы и практики, семантически определяемые «идеологией» и «культурным кодом» (идентитарным нарративом).

К первым относятся темы революции и гражданской войны, репрессий (как отголосок революции), а также позднесоветского периода (перестройка, парад суверенитетов, развал СССР). Здесь смысловое поле дискурса определяется «идеологией» и ее негативным влиянием (бессмысленные жертвы, амбиции политиков, обман народа, ослабление и разрушение государства, бедствия народа), но не ставится в связь с «идентичностью» и «культурным кодом».

К вторым – прежде всего, темы Великой Отечественной войны, созидательного труда и освоения территорий в советский период (трудовые подвиги, самоотверженный труд на благо и могущество Родины), достижения советской науки (космос, атомное оружие), а также успехи культуры, искусства (кино, литература, театр), спорта. Из них тоже вытеснено «идеологическое» содержание и заменено «патриотическим», «национально-культурным», «державным».

При таком подходе советские практики, очищенные от «идеологизации», получали дискурсивную легитимацию

через историко-культурные и идентификационные интерпретации. Это давало возможность не только реабилитировать их исторически, связывая с «культурным кодом» «тысячелетней России», но и оправдывать их сохранение и воссоздание в актуальной политике.

Они включались в контекст текущей политики, что было особенно важно, так как именно институциональные практики советского прошлого, а не гипотетической «тысячелетней России» были наиболее реальным историческим «наследием», с которым имела дело действующая власть. И в период третьего срока при разработке государственной образовательной и культурной политики Путин не раз заявлял о важности использования советского опыта²³.

Заключение

Подводя итог исследованию изменений «советской идеологии» в контексте меняющихся политических режимов позднесоветского и постсоветского времени, можно отметить следующее. Ее ослабление, проявившееся в утрате важнейших функций влияния на политику накануне и в момент кризиса советского политического режима, привело к распаду этой идеологии на два разнокачественных, но «родственных» феномена. С одной стороны, она превратилась в идеологический прототип для постсоветских коммунистических партий, выступавших против получивших власть реформаторов, с другой – трансформировалась в идейный паттерн постсоветской политической культуры, уже не обладавший признаками политической идеологии. Такая конфигурация тем не менее оказалась

крайне опасной для действующей власти. Соединение в политике этих «родственных» компонентов процесса грозило ей политическим поражением.

Из множества мер, предпринятых властью для устранения этой угрозы, был исследован политический дискурс власти по тематике «советской идеологии», взятый на значительном интервале трех десятилетий. Его изучение позволяет выделить в нем последовательную смену трех дискурсивных стратегий в отношении «советской идеологии»: «борьбы», «адаптации» и «селективного использования». Переход от одной стратегии к другой можно объяснить как изменениями состояния самой «советской идеологии» в постсоветской политике, так и изменяющимися задачами политической власти.

Дискурсивная стратегия «борьбы» в целом оказалась неэффективной и не привела к снятию политических угроз действующей власти со стороны «советской идеологии». Вторая стратегия «адаптации» стала более успешной, власть смогла установить контакты с «советским культурным паттерном» и ослабить его связи с идеологическими «наследниками» «советской идеологии» в лице КПРФ. Но проблемой этой стратегии была сохраняющаяся неопределенность. Власть в этот период еще продолжала искать для своей легитимации подходящую идеологию – консерватизм?, либерализм?, «советизм»? или что-то еще – и не могла четко определиться в дискурсивной интерпретации «советского».

И лишь последняя стратегия «селективного использования» внесла определенность. Исследование показало, что она является частью более общей стратегии российской власти, направленной на формирование и утвержде-

23 Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству (2014) // Президент России. 24 декабря 2014 // <http://kremlin.ru/events/president/news/47324>, дата обращения 10.06.2021.

ние в идейной сфере российской власти и общества корпуса «идентитарных нарративов», призванных заменить полноценные идеологии. В отличие от последних эти нарративы обладают значительно более узким, партикулярным содержанием, слабой концептуальной проработанностью и обоснованностью, что позволяет наполнять их элементами самых разных идейных, исторических, этнокультурных, религиозных и прочих традиций. При этом им придаются политические функции, сходные с функциями идеологий, – легитимация власти, сплочение общества, мобилизация сторонников, борьба с врагами и др. Применительно к «советской идеологии» эта стратегия означает селекцию в ней «идентитарных нарративов», использование их в текущей политике и возрождение родственных им советских практик идеологического воспитания и контроля.

То, что переход к таким нарративам, в том числе и с использованием в них выбранных и переработанных элементов советского идейного наследия, происходит в условиях усиления авторитарности российского политического режима, не должно удивлять. В международных сравнительных исследованиях эта черта выделена как характерная для многих современных автократий. Разрушая демократические институты, легитимирующие власть через легальную политическую и идеологическую конкуренцию и плюрализм, автократии стараются активно замещать их формированием идентитарных нарративов, способных придавать власти идейную легитимность.

Список литературы

- Абалов А., Иноземцев В. (2020). Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер.
- Арнасон Й. (2011). Коммунизм и модерн // Социологический журнал. № 1. С. 10–35 // https://elibrary.ru/download/elibrary_17874380_82080972.pdf, дата обращения 15.09.2021.
- Голосов Г.В. (2018). Сравнительная политология. СПб.: Европейский университет.
- Зиновьев А.А. (2001). Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф.
- Ионова А.О. (2016). Современные подходы к анализу политического дискурса // Политическая наука. № 3. С. 236–259 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27429215_17534921.pdf, дата обращения 15.09.2021.
- Кара-Мурза С.Г. (2019). Советская цивилизация. М.: Родина.
- Малинова О.Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. № 2. С. 90–105 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/8.pdf>, дата обращения 15.09.2021.
- Малинова О.Ю. (2014). В ожидании объединяющего нарратива: символическое измерение постсоветской трансформации России // Символическая политика. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН. С. 344–353 // <https://cyberleninka.ru/article/n/v-ozhidanii-obedinyayuschego-narrativa-simvolicheskoe-izmerenie-postsovetskoy-transformatsii-rossii-rets-na-kn-gill-g-symbolism-and/viewer>, дата обращения 15.09.2021.
- Малинова О.Ю. (2015). Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия.
- Малинова О.Ю. (2018). Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. № 3. С. 45–69 // <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-politiki-2000-h-godov-v-diskurse-v-v-putina-i-formiro>

vanie-mifa-o-lihih-devyanostyh/viewer, дата обращения 15.09.2021.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) (2016). Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.: Политическая энциклопедия.

Медведев Р.А. (2003). Советский Союз: последний год жизни. М.: Права человека.

Мельвиль А.Ю. (2007). Демократические транзиты // Соловьев А.И. (ред.) Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН. С. 123–134.

Попова О.В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. № 4. С. 86–110. DOI: 10.31249/poln/2020.04.05

Шаблинский И.Г. (2017). «Новый российский консерватизм» и советская идеологическая парадигма // Политическая наука. № 3. С. 136–157 // <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaja-nauka/arkhiv/2017-3/novyi-rossiiskii-konservativizm-i-sovetskaja-ideologicheskaja-paradigma/>, дата обращения 15.09.2021.

Юрчак А.В. (2020). Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

David-Fox M. (2015). Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Eltchaninoff M. (2018). Inside the Mind of Vladimir Putin, London: Oxford University Press.

Fairclough I., Fairclough N. (2012). Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students, London: Routledge.

Freeden M. (1996). Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach, Oxford University Press.

Freeden M. (2013). The Morphological Analysis of Ideology // The Oxford Hand-

book of Political Ideologies (eds. Freeden M., Stears M.), Oxford University Press, pp. 115–137.

Gel'man V. (2015). Authoritarian Russia, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Gerring J. (1997). Ideology: A Definitional Analysis // Political Research Quarterly, no 4, pp. 957–994. DOI: 10.1177/106591299705000412

Gill G. (2000). The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process, New York.

Gill G. (2011). Symbols and Legitimacy in Soviet Politics, Cambridge: Cambridge University Press.

Hart C. (2015). Discourse // Handbook of Cognitive Linguistics (eds. Dabrowska E., Divjak D.), Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 322–345.

Hill F., Gaddy C.G. (2015). Mr. Putin: Operative in the Kremlin, Washington: Brookings Institution Press.

Kailitz S. (2013). Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability // Democratization, vol. 20, no 1, pp. 39–60. DOI: 10.1080/13510347.2013.738861

Kneuer M. (2017). Legitimation beyond Ideology. Authoritarian Regimes and the Construction of Missions // Sonderheft Legitimation in Autokratien, Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft, vol. 11, no 2, pp. 181–211. DOI: 10.1007/s12286-017-0335-z

Linz J.J. (1975). Totalitarian and Authoritarian Regimes // Handbook of Political Science, vol. 3: “Macropolitical Theory” (eds. Greenstein F.I., Polsby N.W.), Boston: Addison Wesley, pp. 175–411.

Linz J., Stepan A. (1996). Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and PostCommunist Europe, Baltimore.

O'Donnell G., Schmitter P.C. (1986). Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies, Johns Hopkins University Press.

Sherlock T. (2016). Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no 1, pp. 45–59. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2016.01.001

Thompson J.B. (1984). *Studies in the Theory of Ideology*, Berkeley: University of California Press.

Wodak R., Meyer M. (eds.) (2015). *Methods of Critical Discourse Studies*, London, New York: Sage.

Zimmermann B. (2014). *Ruling Russia. Authoritarianism from the Revolution to Putin*, Princeton: Princeton University Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

Transformation of the “Soviet Ideology” in the Discursive Practices of the Russian Government

Vladimir S. AVDONIN

DSc in Politics, Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy

of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: avdoninvla@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3822-6983

CITATION: Avdonin V.S. (2021). Transformation of the “Soviet Ideology” in the Discursive Practices of the Russian Government. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 81–99 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

Received: 19.07.2021.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was funded by RFBR, project no 20-011-00709.

ABSTRACT. *The article examines the trajectory of changes in the post-Soviet period in the ideological complex, which was called “Soviet ideology” in the “late” USSR. The theoretical and methodological framework of the analysis consists of the theory of political regimes, as well as elements of the theory of ideologies and the theory of political discourse. The features and peculiarities of the “Soviet ideology” in the conditions of the “post-totalitarian” political regime in the “late” USSR, which led to its weakening and decline after the collapse of the Sovi-*

et regime, are investigated. Under the conditions of the post-Soviet political regime in Russia, the “Soviet ideology” disintegrated into an ideological component (the basis of the ideology of post-Soviet communist parties) and a political-cultural component (the pattern of post-Soviet political culture). Both components created a specific problem of relations with these phenomena for the ruling power. The study of the discourse of power on the subject of “Soviet ideology” (conducted mainly on the material of speeches and statements of the presidents of the Russian

Federation) allowed us to identify three successive discursive strategies of such relations: the strategy of “struggle”, the strategy of “adaptation” and the strategy of “selective use”. The last of them was used in the 2010s in the conditions of consolidation of the authoritarian political regime. It made it possible to selectively include the legacy of “Soviet ideology” in the ideological complex of the ruling regime, which is characterized by the use of not full-fledged political ideologies, but “identitarian narratives” that allow the inclusion of heterogeneous elements of ethnocultural, historical, religious, etc. traditions. Comparative studies also show that the orientation in the ideological sphere to such “identitarian narratives” is a characteristic trend of modern neo-autocracies.

KEYWORDS: soviet ideology, political regime, political legitimization, political discourse, discursive strategies, political and cultural patterns, identitarian narratives, neo-autocracies.

References

- Abalov A., Inozemtsev V. (2020). *The Infinite Empire: Russia in Search of Itself*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Arnason J. (2011). Communism and Modernity. *Sociological Journal*, no 1, pp. 10–35. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17874380_82080972.pdf, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- David-Fox M. (2015). *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Eltchaninoff M. (2018). *Inside the Mind of Vladimir Putin*, London: Oxford University Press.
- Fairclough I., Fairclough N. (2012). *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*, London: Routledge.
- Freeden M. (1996). *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*, Oxford University Press.
- Freeden M. (2013). The Morphological Analysis of Ideology. *The Oxford Handbook of Political Ideologies* (eds. Freedon M., Stears M.), Oxford University Press, pp. 115–137.
- Gel'man V. (2015). *Authoritarian Russia*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Gerring J. (1997). Ideology: A Definitional Analysis. *Political Research Quarterly*, no 4, pp. 957–994. DOI: 10.1177/106591299705000412
- Gill G. (2000). *The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process*, New York.
- Gill G. (2011). *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Golos G.V. (2018). *Comparative Political Science*, Saint Petersburg: European University.
- Hart C. (2015). Discourse. *Handbook of Cognitive Linguistics* (eds. Dabrowska E., Divjak D.), Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 322–345.
- Hill F., Gaddy C.G. (2015). *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*, Washington: Brookings Institution Press.
- Ionova A.O. (2016). Contemporary Approaches to the Analysis of Political Discourse. *Political Science*, no 3, pp. 236–259. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27429215_17534921.pdf, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Kailitz S. (2013). Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability. *Democratization*, vol. 20, no 1, pp. 39–60. DOI: 10.1080/13510347.2013.738861
- Kara-Murza S.G. (2019). *Soviet Civilization*, Moscow: Rodina (in Russian).
- Kneuer M. (2017). Legitimation beyond Ideology. Authoritarian Regimes and the Construction of Missions. *Sonderheft Legitimation in Autokratien, Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 11, no 2, pp. 181–211. DOI: 10.1007/s12286-017-0335-z

Linz J.J. (1975). Totalitarian and Authoritarian Regimes. *Handbook of Political Science*, vol. 3: "Macropolitical Theory" (eds. Greenstein F.I., Polsby N.W.), Boston: Addison Wesley, pp. 175–411.

Linz J., Stepan A. (1996). *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*, Baltimore.

Malinova O.Yu. (2010). Symbolic Politics and the Constructing of Macropolitical Identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*, no 2, pp. 90–105 Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/8.pdf>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Malinova O.Yu. (2014). Waiting for a Unifying Narrative: The Symbolic Dimension of Russia's post-Soviet Transformation. *Symbolic Politics*. Issue 2, Moscow: INION, pp. 344–353. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-ozhidanii-obedinyayuschego-narrativa-simvolicheskoe-izmerenie-postsovetskoy-transformatsii-rossii-rets-na-kn-gill-g-symbolism-and/viewer>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Malinova O.Yu. (2015). *The Actual Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*, Moscow: Political Encyclopedia (in Russian).

Malinova O.Yu. (2018). Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about "the Hard Nineties" in the Vladimir Putin's Discourse. *Political Science*, no 3, pp. 45–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-politiki-2000-h-godov-v-diskursiv-v-putina-i-formirovanie-mifa-olih-devyanostyh/viewer>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Martianov V.S., Fishman L.G. (eds.) (2016). *Russia in Search of Ideologies: Transformation of Value Regulators of Modern Societies*, Moscow: Political Encyclopedia (in Russian).

Medvedev R.A. (2003). *The Soviet Union: The Last Year of Life*, Moscow: Human Rights (in Russian).

Melville A.Yu. (2007). Democratic Transits. *Political Science: Lexicon* (ed. Solov'ev A.I.), Moscow: ROSSPAN, pp. 123–134 (in Russian).

O'Donnell G., Schmitter P.C. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*, Johns Hopkins University Press.

Popova O.V. (2020). Unresolved Problems in the Theory of State Identity Policy in Russian Political Science. *Political Science*, no 4, pp. 86–110 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.04.05

Shablinsky I.G. (2017). The "New Russian Conservatism" and the Soviet Ideological Paradigm. *Political Science*, no 3, pp. 136–157. Available at: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechniavak/politicheskai-nauka/arkhiv/2017-3/novy-rossiiskii-konservativizm-i-sovetskai-ideologicheskai-paradigma/>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Sherlock T. (2016). Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no 1, pp. 45–59. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2016.01.001

Thompson J.B. (1984). *Studies in the Theory of Ideology*, Berkeley: University of California Press.

Wodak R., Meyer M. (eds.) (2015). *Methods of Critical Discourse Studies*, London, New York: Sage.

Yurchak A.V. (2020). *It Was Forever, Until It Was Over. The Last Soviet Generation*, Moscow: New Literary Review (in Russian).

Zimmermann B. (2014). *Ruling Russia. Authoritarianism from the Revolution to Putin*, Princeton: Princeton University Press.

Zinoviev A.A. (2001). *The Death of Russian Communism*, Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).